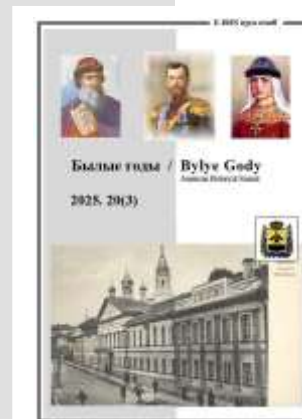

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1516-1529
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1516

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“2 for Behavior”. The Life and Death of Gymnasium Student Volodya Belavin as a Reflection of Daily School Life at the end of the 19th – early 20th centuries

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The paper examines how the intra-school environment influenced the psyche and behavior of students using the example of events that took place in the Orenburg boys' gymnasium at the end of the 19th – early 20th centuries. The organization of education and upbringing in the gymnasium acts as an objective circumstance of the daily life of gymnasium students. The psyche and behavior of students, as components of their everyday life, are examined through the prism of the life of one of the gymnasium students, Vladimir Belavin, who committed suicide in October 1908. The source base of the research is the materials from the Orenburg press, which describe this event in detail, as well as a personal source – the memoirs of N.A. Krashenninnikov, who studied at the same gymnasium several years earlier.

An analysis of available sources allows us to state the crisis state of Russian secondary schools during the specified period. Students were required to strictly adhere to harsh disciplinary rules in addition to mastering an ever-increasing amount of information. For teenagers, such mental stress often proved to be completely unbearable. In addition to this, children were generally forbidden to openly experience psychological crises and personal problems that the school teaching community considered insignificant, caused by insufficient diligence or laziness of the student.

Many teachers treated students in an inappropriate, disrespectful, or even downright cruel manner. Possible reasons for these patterns of behavior could include a significant age gap between teachers and students, the high social and intellectual standing of teachers, as well as the fact that they may have been overworked and experiencing professional burnout, and possibly personal hostility towards some gymnasium students.

During this period, parent committees were only in their initial stages of development and could not adequately protect the interests of students. Unfortunately, these committees often began active work only after cases of teenage suicide. Such tragedies prompted parents to appeal to the leadership of school districts, resulting in the dismissal of some of the most odious teachers.

Overall, based on our analysis of historical experience, we find that teachers' judgments of students were subjective, that the severity of school punishments did not match the offenses committed, and that there was no visible correlation between a failing grade for behavior and positive changes in the behavior of gymnasium students.

Keywords: teenagers, daily life, behavior, suicide, school, Orenburg boys' gymnasium, end of the 19th–20th centuries.

1. Введение

Современная историческая наука исходит из постулата о том, что для неё не существует важных или неважных событий, значимых или совершенно незаметных людей. Для того, чтобы история в итоге воссоздала максимально объективную картину прошлого, необходимо соединить максимально

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya)

возможное количество личных судеб и изучить миллионы самых разных частных событий. Именно через множество субъективностей станет возможным обретение объективного.

В таком контексте анализ биографических материалов и сохранённых в них событий, оценок, представлений, установок становится одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка анализа обстоятельств трагической гибели гимназиста Владимира Белавина, история которого всколыхнула Оренбург осенью 1908 г. Специфика школьной жизни, особенности коммуникации преподавателей и учащихся будут представлены в качестве компонентов школьной повседневности подростков в конце XIX - начале XX столетия. Основной упор будет сделан на такие компоненты повседневности, как поведение и психология (сознание) как учащихся, так и учащихся.

2. Материалы и методы

Активное обсуждение случившейся трагедии на страницах оренбургской прессы позволило получить достаточно богатый и эмоционально окрашенный материал, представляющий обе стороны школьной жизни – мир учителей и мир учеников. Публикации в «Оренбургском крае» и «Оренбургской газете» дали возможность приблизиться к решению вопроса о том, что же в итоге сделало возможной именно такую судьбу, привело именно к такому исходу событий.

Публицистика была дополнена сведениями личного происхождения. В 1888–1897 гг. в Оренбургской мужской гимназии курс обучения проходил Николай Александрович Крашенинников, российский прозаик и драматург, зафиксировавший свои воспоминания о гимназических годах в повести «Восемь лет. Воспоминания о гимназии», опубликованной впервые в 1907 г. (Крашенинников, 1907). В 1911 г. произведение было переиздано с изменениями и дополнениями (Крашенинников, 1911). Яркие и драматичные картины школьной жизни, воспроизведённые Крашенинниковым, предоставили богатый материал для анализа повседневной жизни оренбургских гимназистов.

Вспомогательный характер носит справочный и актовый материал, заключённый в различных циркулярах, издаваемых педагогическим ведомством, а также в Памятных книжках и Адрес-календарях исследуемого периода.

Берущий начало в древних «жизнеописаниях» метод биографического анализа в сообществе историков оценивается неоднозначно. Тем не менее, Р. Ротберг подчёркивал, что только профессиональные историки могут «написать хорошую биографию», поскольку только они способны соединить внутренние и внешние факторы, «проникнуть в глубину индивидуальной мотивации и объяснить ее независимо от последствия и результатов» (Дунаева и др., 2011: 37–38).

В этой связи следует вспомнить французского историка Ж. Ревеля, выделившего в биографических исследованиях такой тип, как «биография, воссоздаваемая на основе контекста». Для такого биографического анализа повествование об индивидуальной судьбе представляется гораздо менее важным, нежели выяснение того, «что сделало возможной и мыслимой такую судьбу, такой жизненный путь в том контексте, который подлежит воссозданию» (Дунаева, 2011: 18).

Таким образом, обращение к контексту, воспроизводимому через широкое цитирование источника, использование метода «насыщенного описания» (Гирц, 2004), основанного на интерпретации, чувствовании и понимании текста, позволяет определить мотивацию 15-летнего гимназиста, решившего расстаться с жизнью. В свою очередь, анализ этих побудительных причин позволяет дать более широкую характеристику всей школьной повседневности, наблюдавшейся в Оренбургской мужской гимназии в начале XX столетия.

3. Обсуждение

Подростковые суициды неоднократно подвергались анализу исследователями, принадлежавшими к различным отраслям научного знания – психологами, врачами, педагогами. Ещё в досоветский период была обнародована статистика подростковых и юношеских самоубийств (Хлопин, 1906; Попов, 1911; Флоровский, 1915). Предпринимались попытки объяснения этих юношеских девиаций (Проаль, 1908; Хорошко, 1909; Сикорский, 1913; Феноменов, 1914; Крупская, 1957). В рамках гуманистической научной традиции, отдающей приоритет социальным, социально-педагогическим обстоятельствам и психофизическим факторам суицидов, большинство авторов соглашались, что среди «ближайших причин покушений на самоубийство среди учащихся в средних учебных заведениях обоего пола первое место принадлежит школьным причинам» (Хлопин, 1906: 65).

Среди современных авторов, обращающихся к данной теме, следует выделить А.Б. Лярского (Лярский, 2010; Лярский, 2017), наиболее глубоко исследовавшего феномен детских и юношеских самоубийств, а также И. В. Синову (Синова, 2014; Синова, 2019), которая рассматривала проблему подростковых суицидов как одно из проявлений социально-экономического кризиса второй половины XIX – начала XX в.

Самоубийство Владимира Белавина, наряду с другими подростковыми суицидами учащихся Оренбургской мужской гимназии, уже упоминалось в одной из предшествующих работ автора данной

статьи (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024). В ряде публикаций автора содержался довольно подробный анализ трудов, посвящённых проблеме подростковых самоубийств в начале XX в. (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024; Бурлуцкая, 2025).

Поскольку важную роль в данном исследовании играет Оренбургская мужская гимназия, как объективная реальность, создающая предпосылки для суицидальных мыслей учащихся, несколько слов следует сказать о работах, посвящённых данному учебному заведению.

Первой работой, в которой гимназии было уделено достаточно много внимания, стал географическо-статистический очерк К.А. Белавина об Оренбурге (1891 г.) (Белавин, 1891). В 1893 г. тем же автором была составлена «Историческая записка об Оренбургской мужской гимназии за первое двадцатипятилетие ее существования» (Белавин, 1893). В советский период специальных исследований, посвящённых гимназии, не осуществлялось. В постсоветской же историографии информация об Оренбургской мужской гимназии была представлена в ряде статей (Злобин, 2000; Аносов, 2006; Матвиевская, 2011b) и монографий (Болодурин, 2001; Болодурин, 2008; Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024), касающихся эволюции системы образования в Оренбургском учебном округе. Однако в этих работах основное внимание уделялось анализу динамики численности учащихся, материальной базе учебного заведения, его административному аппарату, методике преподавания учебных дисциплин.

Анализ внутригимназической повседневности в названных исследованиях не осуществлялся, поэтому данная статья может считаться первой работой, затрагивающей указанную проблематику.

4. Результаты

Володя Белавин родился 8 сентября 1893 г. в семье преподавателя Оренбургской мужской гимназии, коллежского советника Константина Александровича Белавина и его супруги Елены Николаевны (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 849. Л. 206-3). Помимо Владимира, у Белавиных было ещё трое детей – сын Константин и дочери Ольга и Елена. Владимир был третьим по порядку рождения. С 1884 до 1907 г. К.А. Белавин, действительный статский советник, служил в Оренбургской мужской гимназии учителем истории и географии, сопрягая эту службу с аналогичной должностью в женской гимназии г. Оренбурга (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024: 876). В 1907 году он был назначен директором Ирбитской гимназии Пермской губернии (Циркуляр..., 1907b: 412). Елена Николаевна в октябре 1906 г. поступила на должность учительницы приготовительного класса Оренбургской частной женской гимназии Н.В. Карповой (Циркуляр..., 1907a: 326).

Главным антагонистом Владимира Белавина в этой трагедии был Александр Онуфриевич Киселев, служивший в Оренбургской мужской гимназии с 1904 г. преподавателем математики. Сведений о нём сохранилось немного. Как сообщает в своей статье Г.П. Матвиевская, Александр Онуфриевич «родился в 1867 г. и происходил из дворянской семьи, проживавшей в Красноярске. Учился на математическом факультете Московского университета, который окончил с дипломом 1-й степени. По предложению попечителя Оренбургского учебного округа А.О. Киселев 19 октября 1892 г. был определен преподавателем математики и физики в Екатеринбургскую [женскую – Прим. Е.Б.] гимназию, где работал до 1895 г., когда был перемещен на ту же должность в Троицкую [мужскую – Прим. Е.Б.] гимназию. В 1901 г. он переехал в Оренбург, получив назначение в Оренбургскую киргизскую учительскую школу преподавателем математики, но оставался здесь недолго: с 1 сентября 1902 г. “приказом главного инспектора училищ Восточной Сибири был назначен учителем математики и физики Красноярской мужской гимназии”. Через год, 1 августа 1903 г. А.О. Киселев, “согласно прошению”, был уволен в отставку, но тогда же на таком же основании, по предложению попечителя Оренбургского учебного округа определен преподавателем математики в Оренбургское реальное училище. Еще через год, 1 июля 1904 г., он был перемещен в Оренбургскую мужскую гимназию» (Матвиевская, 2011a: 274-275).

В глаза бросается тот факт, что на одном месте Александр Онуфриевич, как правило, не задерживался больше года. Вряд ли это могло быть обусловлено какими-то задачами Министерства народного просвещения. Вероятнее всего, Киселев просто не приживался в педагогическом коллективе и вынужден был менять место своего педагогического служения. Семью Александра Онуфриевича составляли супруга Ольга Ивановна (Киселев был женат вторым браком) и семеро детей (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024: 876). Младшая дочь Анастасия родилась 19 февраля 1904 г. (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1552. Л. 353об.). Наличие стольких иждивенцев, вероятно, делало финансовые вопросы для Киселева очень чувствительными и заставляло его браться за дополнительную работу.

Итак, на должность преподавателя математики в Оренбургскую мужскую гимназию Александр Онуфриевич был переведён с такой же должности из Оренбургского реального училища (Циркуляр..., 1904: 273). При этом отмечалось, что господин Киселев пропустил более 19 % от общего числа уроков по физике, алгебре, геометрии, тригонометрии, космографии, проекционному черчению, географии и черчению (Циркуляр..., 1904: 281), которые ему следовало дать в училище в течение первой половины 1903–1904 учебного года. В результате, перевод из одного учебного заведения в другое мог

быть связан с тем, что в реальном училище, где на точные и технические науки обращалось довольно серьёзное внимание, господину Киселеву стали предъявлять претензии.

В 1906 г., не прерывая своей работы в гимназии, Киселев основал в Оренбурге так называемый «Оренбургский вольный университет», слушатели которого изучали широкий круг учебных дисциплин. В брошюре, опубликованной в 1907 г., данное неформальное учебное заведение было названо «Оренбургскими высшими курсами А.О. Киселева» (Матвиевская, 2011b: 28). Сам Киселев читал на этих курсах лекции по арифметике, алгебре, геометрии и физике. Можно предположить, что организация названных курсов, во-первых, требовала от преподавателя значительных временных, интеллектуальных и даже физических затрат (лекции читались по вечерам или в выходные дни), ведь Киселев читал в своём «вольном университете» по 10 лекций в неделю (Матвиевская, 2011a: 276)! А, во-вторых, руководство «высшими курсами», которые в перспективе Киселев планировал превратить в учебное заведение университетского типа по образцу Москвы, Петербурга, Казани, Киева, Одессы, несомненно, повышало самооценку преподавателя математики. Возможно, он даже представлял себя будущим главой Оренбургского университета.

В отличие от Александра Онуфриевича Киселева, Володя Белавин ощущал себя скверно. Как отмечала «Оренбургская газета», в шестом классе он был оставлен на второй год, после чего решил перевестись в другую гимназию, тем более что его отец уже был переведён из Оренбурга в Ирбит. Родители были согласны с этим решением и ждали только выставления «третьих баллов» (оценок за четверть), чтобы взять его из гимназии (Исследователь, 1908: 4). Отец Володи, Константин Александрович, к тому времени уже уехал к своему новому месту службы. С детьми оставалась мать, которая, интересуясь успехами сына, несколько раз лично приходила в гимназию и регулярно получала там от начальства «успокоительные сообщения» (Исследователь, 1908: 4).

В целом, Володя Белавин мало чем отличался от своих сверстников как по успехам в учении, так и по поведению. Современные авторы отмечали, что с точки зрения школы XXI в., «успеваемость в гимназии была весьма невысокой. Оставление на второй год, неудовлетворительные оценки на экзаменах, в том числе и на выпускных, были обычным, рядовым событием» (Болодурин, 2001: 39). Ни в чём предосудительном В. Белавин замечен не был. Однако, как отмечали журналисты, основным «камнем преткновения для покойного была математика» (Исследователь, 1908: 4).

Математика в гимназии нелегко давалась многим. Как правило, этот предмет на всем протяжении истории данного учебного заведения преподавали директора гимназии или очень авторитетные педагоги. Н.А. Крашенинников по этому поводу писал в своих воспоминаниях: «У воспитанников же средних и старших боязнь перед единицами доходила до психоза. Блуждающие глаза, желтое лицо, пугливая улыбка, нервные, скачущие движения – вот в мое время тип среднего гимназиста. И странно, и жалко припоминать, как великовозрастный юноша, одетый в серую форменную рубашку чисто детского покроя, волновался и трясся из-за недоученного перевода, из-за непонятной теоремы...» (Крашенинников, 1911: 162).

Однако после очередного ответа на уроке господин Киселев поставил Белавину за ответ четверку. После урока Володя тут же в классном коридоре спросил у Киселева, какой у него балл, и преподаватель «сказал настолько громко – “четыре”, что это слышали многие товарищи покойного». Вернувшись домой, гимназист сообщил о своей радости матери и, «считая эту четверку настолько важным для себя баллом, написал в нескольких письмах об этом событии» (Исследователь, 1908: 4).

Но перед выставлением оценок за четверть А.О. Киселев, придя в класс Белавина, стал выяснять, у кого из гимназистов ещё нет отметок. Воспитанники ответили, что отметки выставлены всем. «А у вас, Белавин?», – обратился учитель к покойному. – «У меня четыре!...», – ответил тот. «У вас нет балла», – резко перебил г. Киселев и начал грубо бранить В. Белавина, – уличая его якобы во лжи». Тогда многие одноклассники Володи возмутились и заявили «расходившемуся» преподавателю, что они слышали от него же в коридоре, что он действительно поставил Белавину четыре. Киселев категорически повторил, что у Белавина нет балла, что он его не вызывал, так как в противном случае отметка стояла бы в журнале (Исследователь, 1908: 4).

И здесь нужно сказать об особенностях ведения Александром Онуфриевичем оценочных ведомостей. Оценки преподаватель ставил не в классный журнал, а записывал на отдельном листе. Вероятно, Киселев попросту забыл перенести четвёрку в официальный документ, а, возможно, вообще забыл её поставить.

В ответ на обвинения Володя Белавин задал преподавателю вполне естественный вопрос – «Так что же, я вру значит?». Педагог раскричался ещё сильнее, а затем потребовал, чтобы мальчик вышел к доске отвечать, так как он хочет проверить его знания. «Можно себе представить, – писал журналист, – в каком состоянии духа вышел В. Белавин к ответу» (Исследователь, 1908: 4). Учитель задал несколько вопросов, на которые Володя, естественно, ответил плохо. Киселев поставил «двойку», «торжественно установил факт лжи г. Белавина и в заключение прибавил: “Я доложу совету [имелся в виду школьный педагогический совет – Прим. Е.Б.], что вы не только ленитесь, но еще и врете”» (Исследователь, 1908: 4).

Нормативно гимназии до начала XX в. основывались на правилах работы средних образовательных учреждений от 1874 г., 22 параграф которых гласил, что ученики «обязаны быть вполне правдивыми вообще и особенно в отношении к своим начальникам и наставникам, избегая всякого лицемерия, притворства, лжи и обмана» (Правила..., 1874: 7). В итоге, как утверждала пресса, Киселев не только выставил Белаину «двойку» по предмету, но и санкционировал выставление ему «двойки» по поведению. Для мальчика это означало полное крушение всех его надежд. «Арестантский балл», как его называли гимназисты, не давал никаких шансов перевестись в другое учебное заведение, поскольку ни одна гимназия не принимала ученика с двойкой по поведению «в трети».

Однако выставление неудовлетворительной оценки по поведению вообще-то должно было сопровождаться определённой процедурой. Педсовет должен был предварительно вызвать родителей обучающегося и провести с ними беседу. Но, несмотря на то, что отец Володи, Константин Александрович Белаин, проработал в Оренбургской мужской гимназии 18 лет, на педагогическом совете при выставлении «двойки» по поведению его сыну всего двое преподавателей выступили против. Кроме того, как замечали журналисты, «совет не принял во внимание такой важный фактор, как переходный возраст покойного, ему было 15 лет, а в эти годы ребенок перерождается в юношу, и его самолюбие, его нервная психика делаются в высшей степени чувствительны к самым малейшим уколам...» (Исследователь, 1908: 4).

Табель с неудовлетворительной оценкой при этом был отправлен не матери Володи в Оренбург, а отцу, находящемуся в другом городе. А после гибели мальчика начальство гимназии инициировало возврат казённого письма с отправленным документом. Приехавшему в Оренбург Константину Александровичу Белаину в итоге был представлен уже совсем другой табель, где «двойка» Володи по поведению объяснялась не его ложью, «а уклонением от наказания, занятиями посторонним делом во время уроков и вообще шалостью и дурным, дерзким поведением» (Исследователь, 1908: 5). Матери же сообщили, что неудовлетворительная оценка по поведению была выставлена за то, что её сын не приносил записок, когда пропускал уроки.

Действия руководства Оренбургской мужской гимназии в данном случае напоминают какую-то попытку мести бывшему преподавателю, который поднялся по карьерной лестнице. Все выглядит так, будто педсовет стремился максимально уязвить К.А. Белаина тем, что его сын невоспитан и дерзок. Оренбургские журналисты считали, что и в отношении Володи «была проявлена особенная изобретательность в причинении мук». Зная суровый нрав Константина Александровича, «заботливое начальство», игнорируя мать, послало извещение о полученной сыном «двойке» именно отцу (С.Н., 1908). При этом с матерью Володи о возможно существующих проблемах с поведением мальчика ни классный наставник, ни кто-либо из школьного руководства не сочли необходимым предварительно поговорить.

Вероятно, Елена Николаевна Белаина попыталась всё же выяснить все обстоятельства произошедшей трагедии. Однако администрация и основная часть педагогического состава не были настроены на какие-либо диалоги. Одна из оренбургских газет цитировала ответ, который получила мать В. Белаина от одного из педагогов гимназии: «Мы ставим двойки не одному вашему сыну и не стреляются же, однако!» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2). Школьное начальство заявляло, что Белаин не мог покончить с собой из-за «двойки». Якобы отметка по поведению была выставлена только в субботу, и учащиеся не могли о ней знать до начала следующей учебной недели. Но председатель родительского комитета, видимо опираясь на отметки своего собственного ребёнка, свидетельствовал, что «двойка» была выставлена ещё в четверг (Исследователь, 1908: 5).

Самоубийство произошло утром 26 октября, в воскресенье. Юноша покончил с собой выстрелом в сердце из ружья, заряженного картечью. На расспросы сбежавшихся на звук выстрела родных о причинах такого поступка умирающий юноша ответил: «Двойка, двойка по поведению...» (С.Н., 1908). Эти последние слова не оставляли никаких сомнений в мотивах суицида.

Самоубийства учащихся в Оренбургской мужской гимназии, к сожалению, не были редкостью. Ещё в повести Н.А. Крашенинникова упоминалось о двух таких случаях, произошедших в конце 1880-х – середине 1890-х гг. Николай Александрович писал о некоем Смирнове, бросившемся в лестничный пролёт пансиона гимназии, и о повесившемся в умывальной комнате гимназисте Шолохове: «Случилось это утром. У старшего за моим столом во время чая все дергалось лицо и кружка стучала о зубы. Кто-то всхлипывал в зимнем сумраке. Воспитатель сидел, не прикасаясь к чаю, и неподвижно смотрел перед собою на скатерть. Ждали инспектора. Служители ходили тише обычного и говорили все какими-то особенно свистевшими голосами. Прибыл инспектор. Нас, маленьких, заперли в младшей занимательной и не выпускали долго. И только подростки, мы узнали, что Шолохову грозило исключение из гимназии» (Крашенинников, 1907: 66-67).

О целом ряде суицидов мальчиков-гимназистов в 1891–1911 гг. говорилось в одной из предыдущих работ автора (Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024). Таким образом, школьные порядки, приводившие к столь печальным последствиям, были для гимназии своеобразной традицией. Как писал в своём исследовании М. Я. Феноменов, в большинстве случаев школа является для детей «какой-то посторонней гнетущей силой, чем-то в роде античного рока» (Феноменов, 1914: 113), а школьная дисциплина «есть архаическое наследие средневековья. Суровый дух монашеской кельи и

строгость казармы еще до сих пор заметно отражаются на распорядках школьной жизни» (Феноменов, 1914: 127).

Однокашникам Володи гимназическое руководство объявило, что на похороны будут отпущены лишь те из них, кого инспектор гимназии найдёт «действительно близкими товарищами» Белафина (С.Н., 1908). Отпевание происходило в Георгиевской церкви в Форштадте (казачьем пригороде Оренбурга), поскольку школьная администрация, возможно, опасаясь перерастания отпевания в акцию протеста, запретила отпевать Белафина в гимназическом храме. Из «начальствующих лиц» на прощальной церемонии присутствовали классный наставник шестого класса Г.К. Кузнецов и один из надзирателей. Ни директор гимназии, ни А.О. Киселев на похоронах не появились.

Одноклассники Володи принесли погребальный венок с надписью «Жертве школьного режима». На могиле, как отмечала оренбургская пресса, товарищами покойного было произнесено несколько речей, «в которых указывали на покойного, как на жертву школьной деспотии» (Похороны гимназиста, 1908). В итоге, после похорон воспитанники старших классов были вызваны в кабинет директора. Гимназическое начальство выясняло, кто был инициатором подписки на венок, кто собирал деньги, кто участвовал в составлении надписи на нём (Откликнулись..., 1908). И хотя всем была обещана полная «безднаказанность», подобные вопросы всё же вызывали и у самих учащихся, и у их родителей определённые опасения.

Через неделю после трагедии, в воскресенье, 2 ноября состоялось заседание родительского комитета Оренбургской мужской гимназии, созданное его председателем, генерал-лейтенантом Григоровым. Василий Васильевич Григоров с 1895 г. занимал должность начальника Оренбургского казачьего училища, а с 1 апреля 1902 г. служил директором 2-го Оренбургского кадетского корпуса. Человеком он был уважаемым, а его долгая педагогическая и административная деятельность позволяла рассматривать вопрос на высоком профессиональном уровне. Заседание было посвящено исключительно самоубийству Белафина. На заседание не явился ни директор гимназии г. Смирнов, ни другие представители «корпорации». Для выяснения всех обстоятельств этой печальной истории, «а равно и для установления таких дефектов, которые наблюдаются в Оренбургской мужской гимназии за последнее время», родительский комитет постановил просить попечителя Оренбургского учебного округа расследовать это дело лично или командировать в Оренбург специального чиновника (Заседание..., 1908).

12 ноября в Оренбург прибыл управляющий Оренбургским учебным округом С.В. Кузнецов. Он в тот же день затребовал себе все документы и письма покойного (Приезд попечителя, 1908). Дело в том, что Владимиром Белафиным было оставлено несколько предсмертных писем, содержание которых, к сожалению, для нас осталось неизвестным – дело о самоубийстве В. Белафина в оренбургском архиве обнаружить не удалось.

По итогам визита Кузнецова директору гимназии В. Смирнову и преподавателю А.О. Киселеву было предложено подать в отставку. Временно исполнять обязанности директора мужской гимназии было предложено директору народных училищ Оренбургской губернии Н.А. Сеницыну (Перемена, 1908). Смирнов к тому времени уже имел 30-летнюю выслугу (Циркуляр..., 1907b: 390), т. е. имел полное право на оставление службы, поэтому для него отставка не имела каких-либо судьбоносных последствий. При этом газета «Оренбургский край» интерпретировала эти назначения несколько иначе. По её данным, директор гимназии Смирнов получил из Министерства народного просвещения распоряжение явиться для дачи объяснений, но, вместо поездки в Петербург, Смирнов решил подать в отставку. «Его же примеру думает, по слухам, последовать и преподаватель гимназии А.О. Киселев», – писали журналисты (Отставка, 1908: 2-3).

Через несколько дней после похорон Владимира Белафина ученики VI класса обратились к исполняющему обязанности директора Н.А. Сеницыну с заявлением по поводу различных недоразумений, которые имели место на уроках А.О. Киселева. Гимназисты жаловались на ряд нетактичностей и даже грубостей вышеупомянутого преподавателя, на его крики, обращение с ними во многих случаях на «ты»; а также на несправедливую оценку знаний учеников (Из мужской..., 1908: 3).

Вообще следует заметить, что повышение преподавателями голоса на учащихся в Оренбургской мужской гимназии никогда не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Как писал в своих воспоминаниях Н.А. Крашенинников, в первое его появление в гимназии он был страшно поражён следующей сценой: «Я проходил по коридору — было мне тогда десять лет — и внезапно услышал за собой гневный окрик. Обернувшись к “актовой зале”, я увидел стоявшего посреди нее в гневной позе господина средних лет, седоватого, бледноватого, в очках и вицмундире. Это был директор гимназии. Он что-то кричал, размахивая руками, а подле него, на коленях стоял плачущий гимназист лет четырнадцати. [...] Я поспешил узнать у товарищей про вину ученика; оказалось, никто путем не знал; полушепотом говорили только, что воспитанника за что-то предназначили к исключению, и он должен был вымаливать себе прощение на коленях...» (Крашенинников, 1911: 145). Кроме того, многие преподаватели слыли «в гимназии за такое лицо, у которого не только нельзя было спросить “за что”, но даже попросить прощения — значило быть наказанным вчетверо (Крашенинников, 1911: 148)».

Проблемы усугублялись тем, что Киселев ставил баллы не сразу после ответа ученика, а спустя некоторое время, а иногда даже через несколько дней после испытания. Свои жалобы гимназисты

повторили и родительскому комитету. Родительский комитет, выслушав гимназистов, постановил ходатайствовать перед управляющим учебным округом о немедленном удалении Киселева из гимназии (*Из мужской..., 1908*).

Родители одноклассников В. Белавина, вставая на сторону своих детей, стали обращаться в газеты и раскрывать подробности внутригимназической обстановки. Так, старший штатный контролёр 1-го округа Акцизного управления, коллежский асессор Антон Людвинович Гарлицкий в письме в редакцию газеты «Оренбургский край» откровенно высказывал своё недовольство педагогическими методами Киселева.

Гарлицкий сообщал, что в третьем классе за первую четверть Киселев поставил его сыну по арифметике и алгебре «двойку». При этом по алгебре мальчика совсем не спрашивали, а по арифметике спросили один раз. Именно тогда и была выставлена неудовлетворительная оценка за то, что мальчик «не выдолбил наизусть замены русских мер на десятичные и английские, что не может указывать на незнание предмета» (*Письма..., 1908*). Когда же Антон Людвинович обратился к Киселеву с просьбой переэкзаменовать мальчика по всему курсу, тот достаточно грубо ответил, что ему некогда.

После обращения Гарлицкого к школьному инспектору и, по совместительству, к исполняющему обязанности директора гимназии С.В. Максиму с просьбой о переэкзаменовке, Киселев вначале согласился оставить мальчика после уроков «для испытания». Однако, узнав, что на переэкзаменовке будет присутствовать сам инспектор, преподаватель просто ушёл! Когда отец потребовал, чтобы с его сыном не обращались грубо, Киселев стал издеваться над мальчиком, «называя его “Ваше превосходительство”, “Ваше сиятельство”, зная прекрасно, что мальчик болезненно-нервный» (*Письма..., 1908*).

В день педагогического совета Киселев, который был ещё и классным наставником третьеклассника, «силою втолкнул его в класс» и запер на замок, а на педсовете просил снизить мальчику балл за то, что он якобы три недели назад сбежал с урока. При этом отец заявлял, что из-за слабого физического здоровья сына он время от времени разрешал ребёнку оставаться дома и обращался с просьбой к инспектору отпускать мальчика домой, как только он попросит. В итоге мальчиком было пропущено только шесть уроков, что и было обозначено в табели. Как утверждал А.Л. Гарлицкий, Киселеву не удалось снизить балл по поведению только потому, что Антон Людвинович до начала педсовета побывал у председателя родительского комитета В.В. Григорова.

«Вы, г. Киселев, сами бегаєте с уроков и просите учеников, чтобы они об этом не говорили начальству, – писал Гарлицкий. – А что вы делаете с ученическими тетрадями? Требуєте для каждой письменной работы новую тетрадь, не возвращая прежней. Вы по письменной работе можете выставлять ученикам произвольные баллы, т.к. ученики не видят своей работы» (*Письма..., 1908*). «А ваше преподавание! Не менее трех четвертей учеников совершенно не понимают вас. Если же найдется смельчак и попросит вас объяснить еще раз, то услышит: “Молчи! Ничего не понимаешь, я тебе двойку поставлю”» (*Письма..., 1908*).

В целом, замечания в адрес А.О. Киселева, высказанные А.Л. Гарлицким, кажутся вполне обоснованными. Вряд ли уважаемый государственный служащий стал бы публиковать в открытом письме откровенную клевету на педагога. Да и о пропусках Киселевым занятий, с учётом его пропусков уроков в Оренбургском реальном училище, по всей видимости, сообщалась абсолютная правда. Похоже, что Киселев, увлечённый идеей создания «высших курсов» имени себя, во-первых, перестал успевать как следует готовиться к занятиям в гимназии, а, во-вторых, резко повысил свою самооценку. Теперь недоросли, не понимающие «великого математика», по его мнению, заслуживали только жестокой критики и неудовлетворительных баллов.

Однако А.О. Киселев пытался оправдаться. В «Оренбургской газете» было размещено его открытое письмо в редакцию (*Киселев, 1908*), в котором он сообщал свою версию произошедших событий. По словам Киселева, Белавин учился по математике слабо и получил «за первую четверть 3, за вторую 3, за третью 2, и за четвертую 3. – Отметки взяты из моей старой записной книжки, которая сохраняется у меня» (*Киселев, 1908: 4*). То есть выставленные за ответы Володи на уроках, действительно, заносились не в классный журнал, а в личную записную книжку преподавателя.

В отношении характера и поведения гимназиста Белавина, Киселев замечал, что вёл он себя «очень странно. Часто пропускал уроки, отпрашивался от математики, проводил уроки в шинельной, разыскивая галоши (2 раза) и т. под. И при всяком удобном случае старался извернуться, найти какой-нибудь выход, какую-нибудь отговорку». Подобное поведение юноши, если оно действительно было таковым, наглядно демонстрировало абсолютное нежелание Володи присутствовать на уроке математики, а, возможно, и страх перед учителем.

Тем не менее, эти и другие странности в характере юноши заставляли Киселева, по словам преподавателя, смотреть «на него, как на человека очень нервного, расстроенного», и даже как на человека больного. По данной причине Киселев с Белавиным был «в высшей степени сдержан, не позволял себе в обращении с ним даже немного возвысить голос» (*Киселев, 1908: 4*).

По поводу злополучных «четверок», которые якобы были выдуманы Белавиным, Киселев объяснял следующее. Он решил уточнить у гимназиста, какие у того отметки за четверть (хотя если бы отметки вовремя и регулярно выставлялись в классный журнал, такой вопрос отпал бы сам собой).

«— “Две четверки!”, — ответил он, вставая.

— “Правда?”, — спросил я.

— “Правда”, — ответил Белавин, откинулся всем корпусом назад и покраснел» (Киселев, 1908: 4).

Отвечать урок Белавин отказался, сославшись на плохое самочувствие, после чего, с разрешения инспектора, покинул класс. После того, как Белавин ушёл, Киселев все же решил посмотреть в классный журнал. Никаких выставленных Белавину четвёрок в журнале не оказалось. «Послышались иронические замечания учеников, но я смог их удержать и остановить и сказал: “Впрочем может быть я забыл перенести отметки из прежних листов”. Сказал это, уже зная, что отметки уже переставлены» (Киселев, 1908: 4). О том, что он по забывчивости или невнимательности мог не поставить отметки в «прежние листы», Киселев даже не подумал.

После занятий, в учительской Киселев сообщил о произошедшем преподавателям. Те посоветовали доложить об этом педагогическому совету. Но Киселев отказался афишировать данный факт. «Не записал его в кондуит, не сказал о нем ни инспектору, ни классному наставнику: сделал я так потому, что проступок совершил ученик больной, и я решил спросить его еще раз и сделать выговор при случае» (Киселев, 1908: 4).

Через пару дней Киселев устроил Володе на уроке долгий и тщательный опрос и по алгебре, и по геометрии. Мальчик ничего не смог ответить. После этого состоялся следующий диалог:

«— “Белавин! Когда вы сказали мне, что у вас 2 четверки, вы эти отметки видели?”

— “Вы сами сказали мне, что поставили 4-”

— “Но вы этой отметки не видели?”

Он молчал.

— “А если вы этих отметок не видели, то зачем же вы сказали? Пусть даже эта отметка, одна четверка, была, то неужели я не могу спросить вас еще раз?”

— “В таком случае, во избежание недоразумений, следовало бы ставить отметки!” — сказал он мне. Тут еще, насколько я припоминаю, он стал мне вызывающе говорить: “так значит — я лгу?” — но я ничего не ответил ему, только посмотрел на него и попросил сесть» (Киселев, 1908: 4-5). То есть, по словам Киселева, все происходило довольно тихо, без криков и оскорблений.

В тот же день происходило заседание педсовета, на которое сам Киселев не пришёл, поскольку был занят на своих высших курсах. В разговоре с классным наставником VI Б класса Киселев сообщил, что собирается поставить Белавину «двойку» за четверть, поскольку «оставить его не аттестованным действительно как-то неудобно. Ведь он хотя и много пропускал уроков, но все же ходил целую четверть. Как бы не было нареканий — “другим де ставит двойки, а Белавину ничего не поставил!”» (Киселев, 1908: 5).

На следующий день один из учеников VI класса на уроке сообщил Киселеву, что Белавину из-за того, что тот обманул учителя, поставили «двойку» по поведению (Киселев, 1908: 5). Когда же Киселев попытался выяснить, стал ли обман Белавина основной причиной неудовлетворительной оценки его поведения, наставник VI класса ответил отрицательно, заявив, что «это было приведено только между прочим» (Киселев, 1908: 5), и что за первую четверть Белавин получил неудовлетворительные отметки аж по шести предметам.

Собравшийся 2 ноября родительский комитет гимназии «глубоко осудил жестокое постановление педагогического совета», поставившего мальчику неудовлетворительную оценку по поведению, «которой он ни в коем случае не заслуживал» (Родительский комитет..., 1908). Киселев пытался сопротивляться, заявляя, что жалобы гимназистов в родительский комитет носят характер анонимок и слухов, а принятые родительским комитетом решения не носят единогласного и правомочного характера (Письмо..., 1908). Но общественное мнение выступило на стороне гимназистов и родителей.

В итоге преподаватель математики Оренбургской мужской гимназии, статский советник Александр Онуфриевич Киселев и преподаватель истории и русского языка, классный наставник Белавина Глеб Константинович Кузнецов «для пользы службы» теми же званиями с 1 января 1909 г. были переведены в Екатеринбургскую мужскую гимназию. В Челябинскую женскую гимназию, «согласно прошению», отправился исполняющий обязанности преподавателя математики и физики Горячев (Циркуляр..., 1908: 516).

Инспектор Оренбургской мужской гимназии, статский советник Константин Соколовский «для пользы службы» с 1 января 1909 г. был переведён преподавателем русского и латинского языков в Троицкую мужскую гимназию с возложением обязанностей инспектора той же гимназии (Циркуляр..., 1908: 516). Инспектор гимназии — помощник директора по учебной и воспитательной части — в тот период считался вторым после директора лицом в гимназии. Он должен был ежедневно посещать все классы и наблюдать за исполнением учителями своих обязанностей и за порядком в классах. Каждый месяц инспектор гимназии должен был предоставлять ведомости о поведении и успеваемости учеников Совету гимназии. Инспектор также назначал наказание провинившимся

ученикам. Именно поэтому на инспектора Соколовского, как и на директора Смирнова, возлагалась непосредственная ответственность за случившееся.

Однако, согласно Адрес-календарям и Памятным книжкам Пермской губернии, к которой в то время относился Екатеринбург, Александр Онуфриевич Киселев в Екатеринбургской мужской гимназии так и не появился. При этом он был указан как преподаватель астрономии на фотографии 1916 г., запечатлевшей Анну Циолковскую (младшую дочь К.Э. Циолковского) в группе выпускниц VII класса и преподавателей частной гимназии М.И. Шалаевой, хранящейся в музее К.Э. Циолковского в Калуге (*Культурное..., б. г.*). Анализ Адрес-календарей и Памятных книжек Калужской губернии позволил выяснить, что в 1913–1917 гг. (сведений за более ранний и более поздний период обнаружить не удалось) А.О. Киселев действительно служил в Калуге учителем физики и космографии в Женской гимназии М.И. Шалаевой (*Памятная книжка..., 1912: 33; Памятная книжка..., 1916: 35*) и преподавателем местного реального училища (*Памятная книжка..., 1912: 31; Памятная книжка..., 1916: 33*). Видимо, наконец, Александр Онуфриевич нашёл тот педагогический коллектив, который его полностью устроил.

Оренбургская полиция, по итогам разбирательств и в условиях растущей революционной активности, на всякий случай навела справки о том, «не говорил ли так трагически погибший гимназист Белаваин таких речей, из которых можно было бы убедиться в принадлежности его к какой-нибудь партии» (*Что..., 1908*). Но распространившиеся в городе слухи о том, что причина смерти гимназиста Белавина могла иметь какую-то связь с деятельностью противоправительственных политических организаций, оказались необоснованными. Как установило судебное дознание, самоубийство Белавина могло быть вызвано «лишь удрученным состоянием его духа под влиянием ряда неудовлетворительных отметок и, в частности, двойки за поведение» (*К толкам..., 1908*).

Для Оренбурга и Оренбургской мужской гимназии произошедшая трагедия стала поводом для кардинального пересмотра всей школьной повседневности. Как отмечали журналисты, гимназия «выглядит печально; тень погибшего или, лучше сказать, погубленного юноши, витает там, где еще недавно раздавался его жизнерадостный смех». Администрация гимназии вынуждена была отменить празднование 40-летия учебного заведения, намеченное на 26 ноября 1908 г. Пышным речам было не место «там, где только что принесена жертва недостойному режиму, недостойным людям» (*Родительское собрание..., 1908*).

Директор гимназии Н.А. Сеницын в 1910 г. поднял вопрос об улучшении учебно-воспитательных дел в учебном заведении. Принимая во внимание «факты за прошлый [1908–1909 – Прим. Е.Б.] учебный год», по мнению директора, следовало, прежде всего, остановиться на математике. Дело в том, что на выпускном экзамене 50 % гимназистов получили неудовлетворительные отметки по тригонометрии. Именно так проявился «отложенный результат» специфического преподавания математики А.О. Киселевым. Стало очевидным, что у учеников не было выработано необходимых навыков по самостоятельному решению задач. Сеницын предложил какое-то время не выставлять учащимся никаких баллов за контрольные, чтобы «приучить учеников данные работы выполнять действительно самостоятельно» и «чтобы таким образом из опасения получить дурную отметку у учащихся не было стремления пользоваться чужим трудом» (*Матвиевская и др., 2011: 94–95*).

Родительские комитеты, созданные в учебных заведениях Оренбурга, активизировали свою деятельность. 30 ноября состоялось очередное заседание родительского комитета Оренбургской мужской гимназии. Председателем комитета был вновь избран В.В. Григоров, заместителем – управляющий оренбургской Контрольной палатой В.Г. Калинин (*Родительское собрание..., 1908*).

В феврале 1912 г. было издано Распоряжение попечителя Оренбургского учебного округа № 1729 «О недопустимости некорректного отношения учащихся к учащимся». По словам попечителя, в некоторых учебных заведениях «лица учено-воспитательного персонала позволяют себе некорректное отношение к учащимся, выражающееся в повышенном тоне объяснений с ними, в резкой форме делаемых замечаний, в высмеивании их ответов и недостатков, в обзывании их обидными прозвищами и т.п.». Распоряжение предупреждало педагогов, «что те из них, кои не в состоянии будут воздержаться от усвоенных ими привычек, не могут быть терпимы на педагогической службе» (*Распоряжение..., 1912: 167*).

5. Заключение

В контексте современного обсуждения вопроса о возвращении в систему школьного воспитания оценок по поведению, анализ событий вековой давности позволяет прийти к интересным умозаключениям. Во-первых, становится очевидной абсолютная субъективность оценочных суждений педагогов Оренбургской мужской гимназии в отношении учащихся. Клеймо слабого, неуспевающего ученика или ученика дерзкого и ленивого можно было получить исключительно на основе личной антипатии учителя. Во-вторых, свои собственные недоработки и профессиональную деформацию преподаватели пытались завуалировать обвинениями в адрес учащихся. Педагогическое сообщество учебного заведения при этом соблюдало корпоративное единство и, как правило, даже не пыталось объективно подойти к ситуации. Руководство гимназии, равно как и руководство учебного округа, возникающие конфликты предпочитало решать в пользу учителя, в крайних случаях просто

перемещая его в другое учебное заведение. Наконец, совершенно чётко прослеживалось отсутствие корреляции между «двойкой по поведению» и позитивной динамикой в поведении гимназистов. Напротив, такие жёсткие меры могли привести подростка к острому психологическому кризису, заканчивающемуся суицидом.

Литература

- Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024** – Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург, 2024. 495 с.
- Аносов, 2006** – Аносов А.А. Проблемы гимназического образования в Оренбурге в последнее десятилетие XIX века (на примере мужской классической гимназии) // *Оренбургский край*. 2006. Вып. 3. С. 55-60.
- Белавин, 1891** – Белавин К.А. Оренбург: географическо-статистический очерк. Оренбург, 1891. 126 с.
- Белавин, 1893** – Белавин К.А. Историческая записка об Оренбургской мужской гимназии за первое двадцатипятилетие ее существования. Оренбург, 1893. 24 с.
- Болодури, 2001** – Болодури В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735–1940). Оренбург, 2001. 320 с.
- Болодури, 2008** – Болодури В.С. Образование в Оренбуржье (XVIII–XX века). Оренбург, 2008. 464 с.
- Бурлуцкая, 2025** – Бурлуцкая Е.В. «Я ничего от жизни не умею взять...». Конфликт социальных ожиданий и реальности в повседневности оренбургских гимназисток начала XX в. как причина подростковых суицидов // *Новый исторический вестник*. 2025. № 1 (83). С. 251-278.
- Гирц, 2004** – Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. Серия «Культурология. XX век». М., 2004. 560 с.
- Дунаева и др., 2011** – Дунаева Ю.В., Метлицкая З.Ю. Ротберг Р. «...Вся история – есть биография» (Сводный реферат) / *Историческая биография. Современные подходы и методы исследования: Сборник обзоров и рефератов*. М., 2011. С. 35-50.
- Дунаева, 2011** – Дунаева Ю.В. Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // *Историческая биография. Современные подходы и методы исследования: Сборник обзоров и рефератов*. М., 2011. С. 8-32.
- Заседание..., 1908** – Заседание родительского комитета мужской гимназии // *Оренбургская газета*. 1908. № 240. 4 ноября. С. 2.
- Злобин, 2000** – Злобин Ю.П. Средние учебные заведения в Оренбургской губернии во второй половине 19 – начале 20 века // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Исторические науки*. 2000. № 2 (17). С. 49-59.
- Из мужской..., 1908** – Из мужской гимназии // *Оренбургская газета*. 1908. № 272. 13 декабря. С. 3-4.
- Исследователь, 1908** – Исследователь. К самоубийству гимназиста Белавина // *Оренбургская газета*. 1908. № 249. 14 ноября. С. 4-5.
- К толкам..., 1908** – К толкам о самоубийстве гимназиста Белавина // *Оренбургская газета*. 1908. № 248. 13 ноября. С. 3.
- Киселев, 1908** – Киселев А. Письмо в редакцию // *Оренбургская газета*. 1908. № 252. 18 ноября. С. 4-5.
- Киссоль-Загорянский, 1908** – Киссоль-Загорянский В. Семья и школа // *Оренбургская газета*. 1908. № 254. 20 ноября. С. 2-3.
- Крашенинников, 1907** – Крашенинников Н.А. Восемь лет. Воспоминания о гимназии. М., 1907. 100 с.
- Крашенинников, 1911** – Крашенинников Н.А. Восемь лет. Воспоминания о гимназии / *Собрание сочинений*. Т. V: Невозвратное. М., 1911. С. 117-219.
- Крупская, 1957** – Крупская Н.К. Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа / *Педагогические сочинения в 10 т. Т.1*. М., 1957. С. 135-143.
- Культурное..., б.г** – Культурное наследие России [Электронный ресурс]. URL: <https://starina.net/m/ZV2PnY> (дата обращения: 14.06.2025).
- Лярский, 2010** – Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010. 383 с.
- Лярский, 2017** – Лярский А.Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб., 2017. 600 с.
- Матвиевская и др., 2011** – Матвиевская Г.П., Зубова И.К., Игнатушина И.В. Обучение математике в реальном училище и мужской гимназии Оренбурга (1902–1911 гг.) // *Математическое образование в Оренбургском крае. История и современность: сб. науч. тр.* / отв. ред. Г.П. Матвиевская. Оренбург, 2011. С. 31-95.

- [Матвиевская, 2011a](#) – Матвиевская Г.П. К предыстории высшего образования в Оренбурге / Пятые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. Оренбург, 2011. С. 274-278.
- [Матвиевская, 2011b](#) – Матвиевская Г.П. О математическом образовании в Оренбурге в конце XIX – начале XX в. / Математическое образование в Оренбургском крае. История и современность: сб. науч. тр. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. С. 5-30.
- [ОГАОО](#) – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- [Откликнулись..., 1908](#) – Откликнулись, но по-своему // *Оренбургский край*. 1908. № 71. 14 ноября. С. 2.
- [Отставка, 1908](#) – Отставка // *Оренбургский край*. 1908. № 74. 18 ноября. С. 2-3.
- [Памятная книжка..., 1912](#) – Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год. Калуга, 1912. 47 с.
- [Памятная книжка..., 1916](#) – Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. Калуга, 1916. 112 с.
- [Перемена, 1908](#) – Перемена // *Оренбургская газета*. 1908. № 252. 18 ноября. С. 3.
- [Письма..., 1908](#) – Письма в редакцию // *Оренбургский край*. 1908. № 77. 21 ноября. С. 5.
- [Письмо..., 1908](#) – Письмо в редакцию // *Оренбургская газета*. 1908. № 280. 23 декабря. С. 3.
- [Попов, 1911](#) – Попов Н.М. Современная эпидемия школьных самоубийств в России: Клинические материалы. Казань, 1911. 102 с.
- [Похороны гимназиста, 1908](#) – Похороны гимназиста // *Оренбургская газета*. 1908. № 236. 30 октября. С. 4.
- [Правила..., 1874](#) – Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (Утверждены г. министром народного просвещения 4-го мая 1874 г.). Казань, 1874. 24 с.
- [Приезд попечителя, 1908](#) – Приезд попечителя // *Оренбургская газета*. 1908. № 249. 14 ноября. С. 5.
- [Проаль, 1908](#) – Проаль Л.Ж. Воспитание и самоубийство детей: Психологический и социальный этюд. СПб., 1908. 184 с.
- [Распоряжение..., 1912](#) – Распоряжение попечителя Оренбургского учебного округа от 9 февраля 1912 года № 1729 «О недопустимости некорректного отношения учащихся к учащимся» // *Вестник Оренбургского учебного округа*. 1912. № 1. С. 167.
- [Родительский комитет..., 1908](#) – Родительский комитет мужской гимназии // *Оренбургский край*. 1908. № 63. 5 ноября. С. 2.
- [Родительское собрание..., 1908](#) – Родительское собрание в мужской гимназии // *Оренбургский край*. 1908. № 85. 2 декабря. С. 2.
- [С.Н., 1908](#) – С.Н. Жертва формализма // *Оренбургский край*. 1908. № 57. 29 октября. С. 3.
- [Сикорский, 1913](#) – Сикорский И.А. Психологическая борьба с самоубийством в юные годы. Киев, 1913. 44 с.
- [Синова, 2014](#) – Синова И.В. Современный взгляд на детские суициды в Российской империи второй половины XIX начала XX веков // *Суицидология*. 2014. № 1 (14). С. 63-71.
- [Синова, 2019](#) – Синова И.В. Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX века. М., 2019. 280 с.
- [Феноменов, 1914](#) – Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. М., 1914. 130 с.
- [Флоровский, 1915](#) – Флоровский В.В. Самоубийства детей в Одессе за 10 лет. 1903–1913 гг. Одесса, 1915. 30 с.
- [Хлопин, 1906](#) – Хлопин Г.В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. СПб., 1906. 95 с.
- [Хорошко, 1909](#) – Хорошко В.К. Самоубийство детей. М., 1909. 115 с.
- [Циркуляр..., 1904](#) – *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1904. № 6-7, июнь-июль. Оренбург, 1904. Смешанная пагинация.
- [Циркуляр..., 1907a](#) – *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1907. № 6-8, июнь-август. Уфа, 1907. 342 с.
- [Циркуляр..., 1907b](#) – *Циркуляр по Оренбургскому Учебному Округу*. 1907. № 9, 10, сентябрь – октябрь. Уфа, 1907. 112 с.
- [Циркуляр..., 1908](#) – *Циркуляр по Оренбургскому учебному округу*. 1908. № 11, 12, ноябрь, декабрь. Уфа, 1908. Смешанная пагинация.
- [Что..., 1908](#) – Что это значит? // *Оренбургский край*. 1908. № 63. 5 ноября. С. 2.
- [Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024](#) – Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanova, E.N. (2024). Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School. *Bylye Gody*. 19(2): 873-885.

References

- [Abdrakhmanova, Burlutskaya, 2024](#) – Abdrakhmanova, E.N., Burlutskaya, E.V. (2024) Rebenok na rubezhe stoletiy. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Child at the

turn of the century. Daily life of children in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg. [in Russian]

Anosov, 2006 – Anosov, A.A. (2006). Problemy gimnazicheskogo obrazovaniya v Orenburge v posledneye desyatiletiye XIX veka (na primere muzhskoy klassicheskoy gimnazii) [Problems of gymnasium education in Orenburg in the last decade of the 19th century (on the example of a male classical gymnasium)]. *Orenburgskiy kray*. 3: 55-60. [in Russian]

Belavin, 1891 – Belavin, K.A. (1891). Orenburg: geograficheskoye-statisticheskoye ocherk [Orenburg: geographical and statistical essay]. Orenburg. [in Russian]

Belavin, 1893 – Belavin, K.A. (1893). Istoricheskaya zapiska ob Orenburgskoy muzhskoy gimnazii za pervoye dvadtsatipyatiletiye yeye sushchestvovaniya [Historical note on the Orenburg boys' gymnasium for the first twenty-five years of its existence]. Orenburg. [in Russian]

Bolodurin, 2008 – Bolodurin, V.S. (2001). Obrazovaniye i pedagogicheskaya mysl' v Orenburzh'ye. Stranitsy istorii (1735–1940) [Education and pedagogical thought in Orenburg region. Pages of history (1735–1940)]. Orenburg. [in Russian]

Bolodurin, 2008 – Bolodurin, V.S. (2008). Obrazovaniye v Orenburzh'ye (XVIII–XX veka) [Education in the Orenburg region (18th –20th centuries)]. Orenburg. [in Russian]

Burlutskaya, 2025 – Burlutskaya, E.V. (2025). «Ya nichego ot zhizni ne umeyu vzyat'...». Konflikt sotsial'nykh ozhidaniy i real'nosti v povsednevnosti orenburgskikh gimnazistok nachala XX v. kak prichina podrostkovykh suitsidov ["I can't take anything from life...". Conflict of social expectations and reality in the daily life of Orenburg schoolgirls at the beginning of the 20th century as a cause of teenage suicides]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 1(83): 251-278. [in Russian]

Burlutskaya, Abdrakhmanova, 2024 – Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanova, E.N. (2024). Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School. *Bylye Gody*. 19(2): 873-885.

Chto..., 1908 – Chto eto znachit? [What does it mean?]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 63: 2. [in Russian]

Dunayeva i dr., 2011 – Dunayeva, Yu.V., Metlitskaya, Z.Yu., Rotberg, R. (2011). "...Vsya istoriya – yest' biografiya" (Svodnyy referat) ["...All history is a biography" (Summary abstract)]. *Istoricheskaya biografiya: Sovremennyye podkhody i metody issledovaniya: Sbornik obzorov i referatov*. Moskva. Pp. 35-50. [in Russian]

Dunayeva, 2011 – Dunayeva, Yu.V. (2011). Istoricheskaya biografiya: upadok ili vozrozhdeniye? (Analiticheskiy obzor) [Historical biography: decline or revival? (Analytical review)]. *Istoricheskaya biografiya: Sovremennyye podkhody i metody issledovaniya: Sbornik obzorov i referatov*. Moskva. Pp. 8-32. [in Russian]

Fenomenov, 1914 – Fenomenov, M.Ya. (1914). Prichiny samoubiystv v russkoy shkole [Causes of suicides in Russian schools]. Moskva. [in Russian]

Florovskiy, 1915 – Florovskiy, V.V. (1915). Samoubiystva detey v Odesse za 10 let. 1903–1913 gg. [Child suicides in Odessa over 10 years. 1903–1913.]. Odessa. [in Russian]

Girts, 2004 – Girc, K. (2004). Interpretaciya kul'tur [Interpretation of cultures]. Moskva. [in Russian]

Hlopin, 1906 – Hlopin, G.V. (1906). Samoubiystva, pokusheniya na samoubiystva i neschastnye sluchai sredi uchashchihsya russkikh uchebnykh zavedeniy [Suicides, attempted suicides and accidents among schoolchild of Russian educational institutions]. St. Petersburg. [in Russian]

Horoshko, 1909 – Horoshko, V.K. (1909) Samoubiystvo detey [Suicide of children]. Moskva. [in Russian]

Issledovatel', 1908 – Issledovatel'. K samoubiystvu gimnazista Belavina [On the suicide of gymnasium pupil Belavin]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 249: 4-5. [in Russian]

Iz muzhskoi, 1908 – Iz muzhskoi gimnazii [From a boys' gymnasium]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 272: 3-4. [in Russian]

K tolkam..., 1908 – K tolkam o samoubiystve gimnazista Belavina [On the rumors about the suicide of high school student Belavin]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 248: 3. [in Russian]

Kiselev, 1908 – Kiselev, A. (1908). Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Orenburgskaya gazeta*. 252: 4-5. [in Russian]

Kissol'-Zagoryanskij, 1908 – Kissol'-Zagoryanskij, V. (1908). Sem'ya i shkola [Family and school]. *Orenburgskaya gazeta*. 254: 2-3. [in Russian]

Krashenninnikov, 1907 – Krashenninnikov, N.A. (1907). Vosem' let. Vospominaniya o gimnazii [Eight years. Memories of the gymnasium]. Moskva. [in Russian]

Krashenninnikov, 1911 – Krashenninnikov, N.A. (1911). Vosem' let. Vospominaniya o gimnazii [Eight years. Memories of the gymnasium]. Sobraniye sochineniy. T. V: Nevozvratnoye. Moskva. Pp. 117-219. [in Russian]

Krupskaya, 1957 – Krupskaya, N.K. (1957). Samoubiystva sredi uchashchikhsya i svobodnaya trudovaya shkola [Suicides among students and free labor school]. Pedagogicheskiye sochineniya v 10 t. T. 1. Moskva. Pp. 135-143. [in Russian]

Kul'turnoye..., b.g. – Kul'turnoye naslediye Rossii [Cultural heritage of Russia]. [Electronic resource]. URL: <https://starina.net/m/ZV2PnY>

- [Lyarskij, 2010](#) – *Lyarskij, A.B.* (2010). Samoubijstva uchashchihsya kak fenomen sistemy socializacii v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Schoolchild suicides as a phenomenon of the socialization system in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. SPb. [in Russian]
- [Lyarskij, 2017](#) – *Lyarskij, A.B.* (2017). «Prostitute, dorogie papa i mama»: roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubijstvami v Rossii konca XIX – nachala XX veka ["Sorry, dear dad and mom": parents, children and the fight against teenage suicide in Russia of the late 19th – early 20th centuries]. SPb. [in Russian]
- [Matviyevskaya i dr., 2011](#) – *Matviyevskaya, G.P., Zubova, I.K., Ignatushina, I.V.* (2011). Obucheniye matematike v real'nom uchilishche i muzhskoy gimnazii Orenburga (1902–1911 gg.) [Teaching Mathematics in a Real School and a Boys' Gymnasium in Orenburg (1902–1911)]. *Matematicheskoye obrazovaniye v Orenburgskom kraye. Istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov*. Orenburg. Pp. 31–95. [in Russian]
- [Matviyevskaya, 2011a](#) – *Matviyevskaya, G.P.* (2011). K predystorii vysshego obrazovaniya v Orenburge [On the prehistory of higher education in Orenburg]. *Pyatytye Bol'shakovskiye chteniya. Kul'tura Orenburgskogo kraja: istoriya i sovremennost': nauchno-obrazovatel'nyy i kul'turno-prosvetitel'nyy al'manakh*. Orenburg. Pp. 274–278. [in Russian]
- [Matviyevskaya, 2011b](#) – *Matviyevskaya, G.P.* (2011). O matematicheskom obrazovanii v Orenburge v kontse XIX – nachale XX v. [On mathematical education in Orenburg in the late 19th – early 20th centuries] *Matematicheskoye obrazovaniye v Orenburgskom kraye. Istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov*. Orenburg. Pp. 5–30. [in Russian]
- [OGAEO](#) – Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The United State Archive of the Orenburg region].
- [Otkliknulis'..., 1908](#) – Otkliknulis', no po-svoyemu [They responded, but in their own way]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 71: 2. [in Russian]
- [Otstavka, 1908](#) – Otstavka [Resignation]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 74: 2–3. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1912](#) – Pamyatnaya knizhka i Adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1913 god [Memorial book and address calendar of Kaluga province for 1913]. Kaluga. 1912. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka..., 1916](#) – Pamyatnaya knizhka i Adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1917 god [Memorial book and address calendar of Kaluga province for 1917]. Kaluga. 1916. [in Russian]
- [Peremena, 1908](#) – Peremena [Change]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 252: 3. [in Russian]
- [Pis'ma..., 1908](#) – Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editor] (1908). *Orenburgskiy kray*. 77: 5. [in Russian]
- [Pis'mo..., 1908](#) – Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor] (1908). *Orenburgskaya gazeta*. 280: 3. [in Russian]
- [Pokhorony gimnazista, 1908](#) – Pokhorony gimnazista [Funeral of a gymnasium pupil]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 236: 4. [in Russian]
- [Popov, 1911](#) – *Popov, N.M.* (1911). Sovremennaya epidemiya shkol'nykh samoubiystv v Rossii: Klinicheskiye materialy [Modern epidemic of school suicides in Russia: Clinical materials]. Kazan. [in Russian]
- [Pravila..., 1874](#) – Pravila dlya uchenikov gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Utverzhdeny g. ministrom narodnogo prosveshcheniya 4-go maya 1874 g.) [Rules for students of gymnasiums and progymnasiums of the Ministry of Public Education (Approved by the Minister of Public Education on May 4, 1874)]. Kazan'. 1874. [in Russian]
- [Priyezd popechitelya, 1908](#) – Priyezd popechitelya [Arrival of the trustee]. *Orenburgskaya gazeta*. 1908. 249: 5. [in Russian]
- [Proal', 1908](#) – *Proal', L.Zh.* (1908). Vospitaniye i samoubiystvo detey: Psikhologicheskij i sotsial'nyy etyud [Education and suicide of children: A psychological and social study]. SPb. [in Russian]
- [Rasporyazheniye..., 1912](#) – Rasporyazheniye popechitelya Orenburgskogo uchebnogo okruga ot 9 fevralya 1912 goda № 1729 «O nedopustimosti nekorrektnogo otnosheniya uchashchikh k uchashchimsya» [Order of the Trustee of the Orenburg Educational District dated February 9, 1912 No. 1729 "On the Inadmissibility of Inappropriate Attitude of Students to Students"] (1912). *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 1: 167. [in Russian]
- [Roditel'skiy komitet..., 1908](#) – Roditel'skiy komitet muzhskoy gimnazii [Parents' committee of the boys' gymnasium]. *Orenburgskiy kray*. 1908. 63: 2. [in Russian]
- [Roditel'skoye sobraniye..., 1908](#) – Roditel'skoye sobraniye v muzhskoy gimnazii [Parents' meeting at a boys' gymnasium] *Orenburgskiy kray*. 1908. 85: 2. [in Russian]
- [S.N., 1908](#) – *S.N.* (1908). Zhertva formalizma [Victim of Formalism]. *Orenburgskiy kray*. 57: 3. [in Russian]
- [Sikorskiy, 1913](#) – *Sikorskiy, I.A.* (1913). Psikhologicheskaya bor'ba s samoubiystvom v yunyye gody [Psychological struggle with suicide in adolescence.]. Kyiv. [in Russian]
- [Sinova, 2014](#) – *Sinova, I.V.* (2014). Sovremennyy vzglyad na detskie suicidy v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [A modern view of child suicides in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Suitsidologiya*. 5. 1(14): 63–71. [in Russian]

Sinova, 2019 – Sinova, I.V. (2019). Pravovoe polozhenie, trud i povsednevnyaya zhizn' detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Legal status, work and daily life of children in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moskva. [in Russian]

Tsirkulyar, 1904 – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1904. 6-7. Orenburg. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1907a – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1907. 6-8. Ufa. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1907b – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1907. 9, 10. Ufa. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1908 – Tsirkulyar po Orenburgskomu Uchebnomu Okrugu. 1908. 11, 12. Ufa. [in Russian]

Zasedaniye..., 1908 – Zasedaniye roditel'skogo komiteta muzhskoy gimnazii [Meeting of the parents' committee of the boys' gymnasium]. Orenburgskaya gazeta. 1908. 240: 2. [in Russian]

Zlobin, 2000 – Zlobin, Yu.P. (2000). Sredniye uchebnyye zavedeniya v Orenburgskoy gubernii vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 veka [Secondary educational institutions in the Orenburg province in the second half of the 19th - early 20th century]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Istoricheskiye nauki. 2(17): 49-59. [in Russian]

«Двойка по поведению». Жизнь и смерть гимназиста Володи Белавина как отражение школьной повседневности рубежа XIX–XX вв.

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается проблема влияния внутришкольной обстановки на психику и поведение учащихся на примере событий, происходивших в Оренбургской мужской гимназии на рубеже XIX–XX столетий. Организация учебного и воспитательного процесса в гимназии выступает в качестве объективного обстоятельства повседневности гимназистов. Психика и поведение учащихся, как компоненты их повседневности, рассматриваются через призму жизни одного из гимназистов – Владимира Белавина, совершившего самоубийство в октябре 1908 г. Источниковая база исследования опирается на материалы оренбургской прессы, подробно описывающие это событие, а также на источник личного происхождения – воспоминания Н.А. Крашенинникова, обучавшегося в той же гимназии несколькими годами ранее.

Анализ имеющихся источников позволяет констатировать кризисное состояние российской средней школы в указанный период. Требования неукоснительного соблюдения учениками строгих дисциплинарных правил накладывались на постоянно растущий объём информации, предполагаемый для освоения школьниками. Для подростков такое напряжение психики зачастую оказывалось совершенно непосильным. При этом детям, как правило, запрещалось открыто переживать психологические кризисы и личностные проблемы, которые признавались школьным педагогическим сообществом несущественными, вызванными недостаточным усердием или ленью ученика.

Многие учителя позволяли себе некорректное, неуважительное или даже откровенно жестокое обращение с учениками. Данные паттерны поведения могли объясняться большой разницей в возрасте между учащими и учащимися, высоким социальным и интеллектуальным статусом педагогов, а также, вероятно, их перегруженностью и профессиональным выгоранием, а, возможно, и личной неприязнью педагога к гимназисту.

Родительские комитеты в указанный период находились лишь в стадии своего первоначального становления и не могли в должной мере защищать интересы учеников. Стимулом для активизации деятельности таких комитетов, к сожалению, часто становились случаи подростковых суицидов. Подобные трагедии инициировали обращение родителей к руководству учебных округов, приводили к отставке наиболее одиозных преподавателей.

В целом, на основе анализа исторического опыта, констатируется субъективность оценочных суждений педагогов в отношении учащихся, несоответствие степени жёсткости школьных наказаний совершённым проступкам и отсутствие видимой корреляции между неудовлетворительной оценкой по поведению и позитивной динамикой в поведении гимназистов.

Ключевые слова: подростки, повседневность, поведение, самоубийства, школа, Оренбургская мужская гимназия, рубеж XIX–XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая)